

РОССИЯ И ЗАПАД

**ВАДИМ
КОЖИНОВ**

**ИДЕЯ
ПРОТИВ
ЗАКОНА**

КОРЕННЫЕ
РАЗЛИЧИЯ
РОССИИ
И ЗАПАДА

Вадим Кожинов

**Коренные различия России и
Запада. Идея против закона**

«Алисторус»

2014

Кожин В. В.

Коренные различия России и Запада. Идея против закона /
В. В. Кожин — «Алисторус», 2014

Кожин Вадим Валерианович (1930–2001) – российский критик, литературовед, философ, историк. Он принадлежит к почвенническому направлению современной российской литературы. Кожин – автор многочисленных книг об истории России и русской культуре и сам – одна из ключевых фигур русской культуры XX века. В своей книге Вадим Кожин обращается к истории, анализирует тысячелетние отношения Запада и России, показывает наглядно, насколько различны эти две цивилизации – наша и западная. Он не пишет, кто лучше или хуже – Запад или Россия, а лишь подчеркивает, насколько мы разные. И если Запад не хуже нас, то и мы ни в коем случае не хуже Запада! В собранных работах Кожин активно, мощно противостоит унижению нашей страны и нашего народа.

© Кожин В. В., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Вадим кожинов – рыцарь россии	5
Вера в Россию	6
Дело преображения	8
Русский век	10
Мы не хуже и не лучше Запада. У нас другая анатомия	12
Мы победили прежде всео духовно	15
Россия как чудо	17
Почему произошло крушение СССР?	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Вадим Валерианович Кожин

Коренные различия России и Запада. Идея против закона

Вадим кожинов – рыцарь россии

В тяжелые годы середины 1990-х мне посчастливилось познакомиться с литератором (как он часто просил себя называть) Вадимом Валериановичем Кожинным.

Он сразу поразил меня своим всепоглощающим служением России и непрерывной жизнью Россией.

Оказалось, что в его маленькой, обставленной книжными полками гостиной в центре Москвы на Большой Молчановке происходила системная работа по восстановлению русского самосознания, поэтому через несколько встреч с ним возникло ощущение, что, входя к Кожину, попадаешь в чудесный реактор по конфуцианскому исправлению имен и наведению все-ленского порядка.

Очень быстро стало понятно, что скромный «литератор» является выдающимся историком и мыслителем.

Однако только сейчас, через четырнадцать лет после знакомства и через восемь лет после его безвременной кончины, начинаю осознавать подлинный масштаб и величие личности Кожина, вне всяких сомнений, стоящего в ряду таких русских мыслителей, как Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев и В. В. Розанов, и грандиозности его замыслов и Дела.

Вера в Россию

Вадим Валерианович любил напоминать известнейшие и вместе с тем редко кем понимаемые строки Федора Ивановича Тютчева (которого, между прочим, как не только гениального поэта, но и гениального историсофа и геополитика подарил нам не кто иной, как Кожин, в книге «Пророк в своем отечестве»): «В Россию можно только верить».

Все творчество Вадима Валериановича показывает нам, что Россия жива, пока мы в нее верим, что именно наша вера в Россию, личная вера каждого из нас, воссоздает и перевоссоздает заново нашу Россию. Пусть вокруг тебя перестанут верить в Россию, думать про нее, а ты стой и верь, поскольку, может быть, только твоей одной верой в этот момент она и будет держаться, являя миру идеалы Христа, справедливого миропорядка и жизни по правде.

Как показал Кожин, это определяется уникальным устройством исторического бытия России, которое не существует натурально, как факт (здесь он ссылаясь на мнение К. Маркса), а исключительно в процессе сменяющихся гибели и воскрешения.

Не случайно замечательный пушкиновед и писатель Валентин Семенович Непомнящий, на которого Вадим Валерианович всегда ссылаясь, которого он цитировал и «продвигал», анализируя творчество Пушкина, определил русский тип культуры и начало нашей цивилизации как пасхальные.

Интеллектуальный и писательский подвиг Кожина и заключается в том, что он через блестящий и изящный, энциклопедический и точный анализ ключевых этапов русской истории и культуры показал эту череду смертей и воскрешений России, как будто предназначенной Господом исполнять правило смертию смерть поправ, воскрешая себя и мир.

Это касается и анализа былин как формы исторической памяти народа о моменте рождения Русской Государственности через победу над Хазарским каганатом, и подвига на Куликовом поле, где русские не просто отстояли свое самобытное бытие, но и сделали себя законными преемниками не только Царства Ромеев, Византийской «империи», но и Ордынского Царства, монгольской «империи» Ихэ Монгол Улус, и воскрешением после Смуты, Раскола и реформ Петра Великого. Читайте и прорабатывайте кожиновскую «Историю Руси и Русского Слова»!

И только Кожин смог в другом своем капитальнейшем труде «Россия. Век XX» объять умом и сердцем весь прошлый наш век, показать и гибель, и воскрешение России, и очередную гибель и заложить незыблемый идейный фундамент для следующего воскрешения.

Вера в Россию и подготовка ее очередного воскрешения – суть мировоззренческой работы и историсофии Вадима Валериановича.

Не случайно через все работы Кожина проходит идея прерывистости нашей российской истории, когда в считанные дни государства разваливались как бы сами собой, исчезали в небытие и вместе с ними, казалось, навсегда умирала Россия, когда в ту же Революцию 1917 года любой «объективный» наблюдатель по всем параметрам должен был констатировать гибель страны и государственности.

Как представляется, здесь во многом на будущее крайне важно разрабатывать идеи прерывистости, соединяя с введенным Владимиром Эрном представлением о катастрофическом прогрессе.

Наша История по определению трагична, прерывиста и даже катастрофична. Это, по Вадиму Валериановичу, данность, с которой незачем спорить, из которой следует исходить.

Отсюда задача русских – всем напряжением сил готовить следующее воскрешение России, веря в Россию и работая на ее государственность.

Никогда не забуду, как в очередной раз войдя в квартиру Кожина в 1998-м, кажется, году, я тут же был усажен (буквально усажен, за руку и с напором) перед видеопроектором. «Вот, смотрите, смотрите, – восклицает Вадим Валерианович, стараясь быстрее запустить

видеозапись на еле дышащем приборе, – вот эти молодые люди из Студии Александра Васина каждый год 9 мая собираются у Большого театра и поют лучшие военные и свои песни! Каждый год! И посмотрите, как они поют, вот, смотрите, как вокруг собираются люди и поют вместе с ними... Разве это не чудо?!».

Помимо того, что Кожин был буквально «одержим» возвышением других (разумеется, достойных) людей, в которых он видел русский гений и веру в Россию (чего только стоит его «промоушн» таких величин, как Михаил Михайлович Бахтин, Николай Михайлович Рубцов, Анатолий Константинович Передреев, Юрий Поликарпович Кузнецов!), помимо безграничной душевной щедрости Кожина, в этом, тогда рядовом, эпизоде для меня сегодня весь Вадим Валерианович Кожин и его учение о вере в Россию.

Стой, как они стоят, работай на страну, зижди традицию – Россия воскреснет и уже скоро опять преобразит и поразит саму себя и весь мир...

Дело преображения

Что же может являться для русских залогом исторического оптимизма и следующего воскрешения и процветания России?

По Вадиму Валериановичу – это великое Русское Слово, рождаемое из всемирных деяний Российской Государственности, составляющих в совокупности русский народ и единую Русскую Историю.

Эта доктрина Кожина, созданная им благодаря его базовому профессионализму, как литературоведа, и работе в знаменитом ИМЛИ, имеет основополагающее значение для исторического анализа и проектирования наших собственных действий. В своем понимании русского самобытного исторического процесса Вадим Валерианович вышел за пределы ведомственного литературоведения (в котором, к примеру, предпочел остаться С. С. Аверинцев), распрямил науку, не утратив ее достижений и методов.

В самом деле, выделяя вершинные достижения культуры, как собственно словесные (былины, «Слово о законе и благодати», «Палей толковая», поэзию Пушкина и русскую литературу XIX–XX веков, военные песни Великой Отечественной войны), так и иные (иконопись, советская наука и техника), Кожин предельно ясно выводит через них на героические периоды нашей истории в целом и раскрывает соответствующие вершинам Слова вершинные деяния нашего народа и государственности.

При этом речь идет не о механическом сосуществовании и соотношении двух этих рядов – Государственности и Слова – а об их тесной и взаимопреобразующей связи.

Кожин сумел в своих работах осязаемо, технологически основательно и даже объективистски продемонстрировать евангельское «В начале было Слово».

Ибо Слово – принцип, который, определяя самосознание и идентичность, зиждет, движет и преображает мир; русская культура как Фаворским светом пронизывает собой наше историческое бытие и позволяет творить и быть.

Отсюда такое значение поэзии как самой концентрированной форме культуры, указание на ее определяющее значение в русском духе (труды Кожина «Николай Рубцов. Заметки о жизни и творчестве поэта», «Главная основа отечественной культуры», «Как пишут стихи. О проблемах поэтического творчества»), любовь и проникновенное знание русской песни («главной основы русской культуры»), русского певческого голоса, как и у Аполлона Григорьева благоговение перед цыганской гитарой (пишу это и опять поражаюсь широте и спектру интересов Вадима Валериановича, как непросто хотя бы перечислить, не то что охватить, все, что он не только любил, но и глубоко исследовал и продвигал!).

Неоценимый вклад Вадима Валериановича во введение в широкий «оборот» таких выдающихся произведений русского духа, как «Слово о законе и благодати» и «Палей Толковая», воскрешения, по сути, из небытия Бахтина и публикация его работ, разнообразная помощь лучшим нашим поэтам второй половины XX века.

По Кожину, поэзия и есть жизнь, никакой другой жизни нет и быть не может. И в проживаемых нами годах собственно жизни есть ровно настолько, насколько есть поэзии – понятно, в любой, не только стихотворной форме. Более того, именно несовпадение поэтического образа и «действительности» (здесь, думаю, много идет от Бахтина) двигает и преображает бытие, воспроизводит жизнь.

В книге «Как пишут стихи» Кожин утверждает эту преображающую суть поэзии-жизни: «Поэт не может не начинать каждый раз заново, исходить каждый раз не из предшествующих стихов, а из самой своей жизни, как будто он переливает ее в теле стиха впервые. А затвердевающие приемы уже выработанного мастерства препятствуют этому. И тогда вместо

творческого поведения стихи запечатлевают искусственную позу, вместо живых движений – заученную жестикуляцию».

Как представляется, гений Кожина всеми его трудами, гигантским внелитераторским общением и работой старающийся вывести принцип прерывистой, но единой русской истории, соединить государственность, православие и бесконечно ценный советский опыт достижения военно-индустриального суверенитета, породил феномен идеологии преобразования, которую крайне необходимо нам разрабатывать и дальше.

Творческий подвиг Кожина задает нам современную цивилизационную основу России на долгие годы (может, на столетие и больше) вперед, что очень напоминает мне феномен теологии освобождения, которая в качестве принципа становящейся Иberoамериканской цивилизации была порождена частью католического клира Латинской Америки во второй половине прошлого века в ситуации необходимости решения проблемы социальной справедливости, зависимости и колониализма.

Русский век

Вадим Валерианович ушел от нас 25 января 2001 года, в самом начале нового столетия и тысячелетия, как бы удовлетворившись тем, что предыдущий век закончился. Говорю это вполне серьезно, поскольку, так случилось, в 2000 году несколько раз спорили с ним о том, когда именно начинается новое тысячелетие, в 2000 или 2001 году. Тогда эти дискуссии, порой очень жаркие, мне представлялись достаточно случайными, дотошностью влюбленного в историю человека, теперь же понимаю, что ему было принципиально важно знать точное время окончания века, чтобы достоверно и лично подвести итоги ушедшего вместе с ним XX века.

Это глубоко символично – одна из решенных им сверхзадач, как я уже упоминал, состояла именно в том, чтобы наш страшный и прекрасный российский XX век, свидетелем которого он, родившись в 1930-м году, являлся, передать нам (во всех своих трудах и в фундаментальном «Россия. Век XX») во всем его трагическом и многомерном величии как бесценный дар, крепкую опору для нашего следующего воскрешения и развития страны.

Не имевший никаких подарков от советской власти, принадлежа во многом к чуждом советизму и хранящим память о дореволюционной России слою людей, объективно и без прикрас освещая советский период, Кожин никогда и ни в одной своей строке не был антисоветчиком.

Это определяется, в частности, тем, что Вадим Валерианович, увидев российскую историю как прерывистое движение с бедами и победами (эта диалектика разыграна в книге «Победы и беды России»), гибелью и воскрешением страны, нашел поразительное решение для достижения максимальной беспристрастности своего исследования советской истории.

Поскольку любое историческое знание по определению не может быть вне точки зрения, позиции, Кожин выбрал себе позицию не выигравших и не проигравших в той страшной гражданской войне, а тех, кто, как он доказывал, и не мог выиграть или даже проиграть – «черносотенцев» (здесь необходимо изучать его глубочайшую работу «Черносотенцы и Революция», в которой детально и предельно доказательно произведена реабилитация «черносотенцев» и восстановлены честные имена их деятелей).

В результате такого оригинального мыслительного хода, отражающего его абсолютный слух в восприятии нашей истории, Кожин со всей отчетливостью выступил против примитивного, но преобладающего, толкования Революции как волюнтаристского и антигосударственного действия горстки большевиков.

По Кожину, главным разрушительным моментом Революции и фактором распада страны стал не Октябрь, а Февраль 1917 года, когда «прогрессивная общественность» с псевдолиберально западническими идеями с вождельением уничтожила Российскую Империю. Таким образом, действующих сил в 1917 году было не две: «старый порядок» и большевики, а три: проигравшие монархисты и монархия, победившие в Феврале (их Кожин убийственно точно назвал «детьми Февраля») и практически ни на что не влияющие тогда большевики.

Почему это – сверхважное знание? Потому что оно позволяет совестливым людям правильно определяться. Ты монархист – замечательно, выступай тогда не только против большевиков, но и, прежде всего, против детей Февраля. Но нельзя, не издеваясь над исторической правдой и собственным сознанием, заявлять себя монархистом и выступать на стороне «белых».

Здесь и работает точное знание Кожина: «Вопрос о Белой армии необходимо уяснить со всей определенностью... Никак нельзя оспорить того факта, что все главные создатели и вожди Белой армии были по самой своей сути «детьми Февраля».

А ведь именно этот «перевод стрелок с Февраля на Октябрь лежит в основе антисоветизма, самого разрушительного на сегодня учения, которым значительная часть элиты беспощадно добивает страну и Российскую Государственность.

Грядущее воскрешение России невозможно без того, чтобы понять и принять наш XX век весь целиком, чтобы осуществить преемственность с советским периодом нашей единой Истории. Переоценить в этом деле значение кожиновского мысли, его работ невозможно.

Спасибо вам, дорогой Вадим Валерианович, за ваш подвижнический труд. Мы еще много раз перечитаем ваши труды, услышим ваше оригинальное Слово и сделаем XXI век русским.

Юрий Крупнов.

Мы не хуже и не лучше Запада. У нас другая анатомия

В 1993 году Вадим Валерьянович Кожин напечатал в одной из московских газет большое послание Черномырдину – тогда председателю российского правительства, в котором доказывал, что Россия выбрала абсолютно тупиковый путь развития. Никакого ответа тогда, конечно, не последовало.

С тех пор прошло шесть лет. В России сменилось несколько премьеров и несколько составов правительства. Не изменились только путь, по которому идет страна, и убеждение Кожина в его пагубности для России.

Миросозерцание Вадима Валерьяновича лучше всего определяют портрет Александра Пушкина и икона Сергия Радонежского, висящие в его старой московской квартире, стены которой почти сплошь заняты книгами. Их здесь больше двадцати тысяч.

Кожин родился в самом центре Москвы, на Большой Молчановке. На той самой улице, на которой когда-то родился Александр Сергеевич Пушкин. Рядом, неподалеку, находилась ныне, к сожалению, уничтоженная Собачья площадь. Там жили Хомяков, Вернадский, Марина Цветаева. «Окружение» обязывало.

За свою жизнь Вадим Валерьянович написал больше двадцати книг. Первая из них увидела свет в уже далеком 1960 году. В нынешнем, 1999, изданы шесть книг Кожина: сочинение о преподобном Иосифе Волочком, две части большого исследования «Россия. Век XX», охватывающие историю нашей страны с начала столетия до 1964 года, «История Руси и русского слова», «Великое творчество. Великая Победа», «Размышления об искусстве, литературе и истории».

С кем еще говорить о судьбах России в будущем столетии?

Мы беседовали с Вадимом Валерьяновичем в Гурзуфе, куда он приехал на очередные крымские Пушкинские чтения.

– Помните, – сказал он, – в 1834 году Николай Гоголь предсказал, что Пушкин – это русский человек в его развитии через двести лет. Сейчас очень многие люди с горечью, даже иронией воспринимают это гоголевское предвидение. Страна находится в смуте и разоре. Но у нас до 2034 года еще есть в запасе тридцать пять лет. Ведь Гоголь имел в виду не девятнадцатый и не двадцатый, а именно двадцать первый век.

Да, сегодня очень многие серьезные люди предсказывают, что в двадцать первом веке наша страна – я имею в виду весь бывший СССР – будет только деградировать.

Но, я думаю, полезно в этой связи вспомнить другие «предвидения».

Летом 1612 года на Руси появилось широко известное анонимное сочинение «Повесть о полном разорении и окончании преславного Московского государства». Тем не менее уже осенью князь Пожарский выбил поляков из Москвы. А ровно через тридцать пять лет (магия цифр!!!), в 1647 году, русские землепроходцы дошли до Тихого океана и основали на его побережье город Охотск. Прошло еще семь лет, и в 1654 году Россия настолько окрепла, что сумела вернуть себе Украину, которая была отторгнута от нее Литвой и Польшей три века назад. То есть через сорок два года после «полного разорения Московского государства» Россия предстала в неслыханном расцвете.

– Этот факт не единственный в своем роде...

– Да. Прошло много лет. В 1917 году, после Февральской революции, Алексей Ремизов написал «Слово о гибели Земли Русской». В это время с ним было согласно большинство мыслящих русских людей. Россия казалась уничтоженной революцией. Кстати, имейте в виду, тогда произошел такой же распад государства, как и сейчас. От России откололись Украина, Грузия, Средняя Азия...

Их собрали, и то далеко не полностью, только к 1922 году.

Однако после семнадцатого года прошло меньше тридцати лет, и мы победили самую мощную в мировой истории военную машину, на которую работала вся Европа.

– Эти исторические параллели являются для нас просто основанием надеяться на лучшее? Или твердым указанием на то, что возрождение России – я тоже имею в виду весь бывший СССР – неизбежно?

– Если бы я был помоложе, я бы сказал: о чем говорить?

Был 1612 год. Был 1917. И был 1991. Бросьте трепаться, дорогие товарищи, на этот раз произойдет то же самое, что произошло через треть века после 1612 или 1917 годов.

Сейчас, поскольку я человек, мягко говоря, немолодой, я так не скажу.

На мой взгляд, возможно и одно, и другое. И окончательная гибель великой страны. И ее возрождение.

Я не утверждаю, что мы в очередной раз воскреснем в славе и силе. Любая страна имеет свой исторический срок, рано или поздно погибают величайшие империи. Причем обычно считают, что срок существования великих империй – около 1200 лет. Надо сказать, что это как раз «возраст» России. Однако я полагаю, что, несмотря ни на какие подсчеты, нет оснований быть убежденным в ее гибели.

Россия – уникальная страна. В то время как великие западные и восточные державы развивались более или менее равномерно, она несколько раз гибла и воскресала. Это не раз было в русской истории.

– Что приведет нас к возрождению и что – к гибели? Каким путем мы должны пойти?

– Понимаете, западные страны – это номократия (номос – закон), то есть государства, которые зиждутся на власти закона. Восточные – этократия (этос – нрав, обычай), то есть государства, которые зиждутся на власти традиции. Россия – это идеократия, страна, которой управляют идеи.

Когда «правлящая идея» теряет силу, наступает смута. Так было в 1917 году, когда потеряла власть над людьми идея «самодержавия, православия, народности». Так было и в году 1991, когда эту власть потеряла коммунистическая идея. Сегодня стране нужна новая идея, потому что Россия может существовать только как идеократия.

– В таком случае какая идея должна овладеть массами сейчас?

– Идея, которая может управлять государством, должна иметь глубокие корни. Поэтому, скажем, нелепой выглядит затея, предпринятая нашим знаменитым президентом: давайте, дескать, создадим национальную идеологию. С моей точки зрения, эта новая идея должна органически соединить в себе то, что было до 1917 года, и то, что было после 1917 года.

– Это можно соединить? Разве это не противоположные вещи?

– У Михаила Назарова есть интересное рассуждение. Он утверждает, что надо увидеть в коммунистической идеологии идею справедливости, в антизападной политике СССР – патриотизм, в ханжестве советского человека – смиренномудрие и т. д. То есть в искаженном виде основные, конечно с русской точки зрения, ценности бытия в коммунизме сохранялись.

– Рецепты Международного валютного фонда, западных экспертов, советников по спасению России – это все к гибели?

– Безусловно. В этом году малоизвестный в Америке, но глубоко почитаемый в России экономист Джеффри Сакс – учитель Гайдара, Чубайса и Ко – сделал потрясающее заявление (я ему, между прочим, за это благодарен – честный человек!). Он сказал примерно следующее: «Мы (!!!) начали проводить реформы в России, положили больного на стол и вскрыли ему грудную клетку, но оказалось, что у него другая анатомия». Очень хорошо сказано.

– Это тот случай, который мы имеем сегодня. Пытаясь перенести с Запада те механизмы, которые у них работают, мы вдруг выяснили, что у нас они не только не создают, а наоборот, разрушают.

– Совершенно верно. Пушкин сказал об этом в 1830 году, задолго до Сакса: «Поймите же, что мы никогда не имели ничего общего с Европой...».

Самое страшное при этом, что то, что на Западе – благо, в России оборачивается бедой. Россию нужно судить по ее законам, а не по тому, что придумали в Америке.

– То есть Россия – не хуже и не лучше Запада. Она – другая.

– Именно. Хотя очень многие наши люди по этой причине сейчас считают свою страну ненормальной, нецивилизованной. И здесь, конечно, огромную роль сыграла работа СМИ.

Впрочем, с моей точки зрения, для того, чтобы все это опровергнуть, достаточно двух общеизвестных фактов. Первый состоит в том, что за последние два века было два случая, когда мощные армии – Наполеона и Гитлера – пытались завоевать мир.

Никуда не денешься от того, что обе эти армии были разбиты Россией, несмотря на все наши «ужасные черты» (а может быть, отчасти и благодаря им).

И второй. Никто за эти два века не оказал такого гигантского влияния на мировую культуру, как Лев Толстой и Федор Достоевский.

По-моему, этого достаточно. Хотя некогда, в самом начале XX века, Шведская академия и сочла Толстого недостаточно цивилизованным писателем, варваром. Было четко сказано: Толстой ненавидит цивилизацию, поэтому мы не можем присудить ему Нобелевскую премию.

В 1906 году, правда, академики одумались, но тогда уже сам Толстой отказался принять их награду.

Однако в любом случае до этого Нобелевскую премию успели вручить шести писателям. Все они по сравнению с Толстым – пигмеи.

– Да, в компании с Толстым можно признать себя и нецивилизованным...

– Жаль только, что многие этого не понимают. Весь вопрос сейчас в том, опомнятся ли люди. Этот процесс понемногу идет. Я знаю очень многих людей, которые в 1991 году восторженно приветствовали все, что тогда происходило, а теперь они проклинаят это и со стыдом, покаянием говорят о том, как себя тогда вели.

Нам нужна великая Россия.

Мы разрушили ее собственными руками. И собственными руками нам придется ее возродить. Потому что никто в мире нам в этом деле не помощник.

Мы победили прежде всео духовно

Из интервью Вадима Кошинова

Виктор Кожемяко: Недавно я слушал ваши ответы на вопросы о войне по радиостанции «Голос России». Резануло обращение к вам итальянского слушателя. Это был даже не вопрос – это было утверждение, причем абсолютно категорическое: «Победителем в той тотальной войне можно считать американский доллар». На сегодня, увы, и у нас такое убеждение достаточно распространено...

Вадим Кожинов: Доллар не может победить в настоящей войне. Доллар может победить в таких войнах, которые сейчас вели США в Ираке и Югославии, когда нападающие, ничем не рискуя, пользуются своим огромным техническим превосходством, вкладывая только деньги.

Конечно, в той войне, о которой мы с вами говорим, такое было невозможно. Это, кстати, опять-таки относится к оценке вклада союзников в победу над фашизмом, о чем меня часто спрашивают. Я не могу отрицать, что вклад, конечно, был. Особенно материальный. Но что касается боевых действий, думаю, они имели очень небольшое значение.

После 1943 года немцы все время только лишь отступали на нашем фронте. А когда англо-американские огромные, трехмиллионные войска подошли к границе Германии, вдруг оказалось, что немцы смогли начать здесь контрнаступление. Под Арденнами они отогнали почти на сто километров союзнические войска. И Черчилль, всполошившись, прислал Сталину покорнейшую просьбу – организовать на Востоке мощный удар. При том что Черчилль больше всего опасался продвижения России в Европу. Но у него просто не было выхода, ведь немцы могли вышвырнуть «союзников» обратно в Великобританию. И пришлось обращаться к Сталину с поклоном. Сталин внял. Действительно, только мощный удар наших войск спас союзников от разгрома.

По-моему, уже одно это наглядно показывает, что нельзя преувеличивать союзническую роль в боевых действиях.

А вот еще один вроде бы частный, но тоже показательный факт той великой войны, зафиксированный в документах. Когда во время налета одного из подразделений американской авиации погибла четверть пилотов, вылетевших на бомбежку, оставшиеся пилоты категорически отказались воевать. Представьте себе, каковы американцы... И наивно, даже глупо говорить, что победил в такой войне доллар.

Вот сейчас, в этих беспрецедентных войнах, когда нападающие не рискуют ничем, а только тратят доллары, тут я готов согласиться. Хотя нет, и тут не соглашусь. Поскольку считаю, что победа с помощью доллара, если не сломлен человеческий дух, – это еще не победа.

Вик. К.: Мне известна ваша точка зрения, и в принципе с ней трудно не согласиться, что в Великой войне мы победили прежде всего духовно.

Вад. К.: Это было главным! Духовная мощь народа не может собраться мгновенно, поэтому на первых порах мы терпели поражение. Но потом...

Вик. К.: Однако далеко не все понимают, что это такое – духовная победа. Наверное, в чем-то будут спорить с вами. Вы же не станете отрицать, что великая война была и войной моторов?

Вад. К.: Нет, не стану. Скажем, немецкие войска, собравшие автотранспорт со всей Европы, вторгшись в нашу страну, не шли пешком, и это давало им величайшее превосходство, свободу маневра. Они в любой момент могли обогнать наших, появиться в том месте, где их никто не ожидал.

Вик. К.: Вместе с тем победа духа в ваших размышлениях предстает тоже как нечто вполне реальное. В новой своей книге, вышедшей в Воениздате, вы даже органически связали

две даты – 200-летие со дня рождения Пушкина и 55-летие Победы, считая, что поэт, о котором сказано: «Пушкин – наше все», создал ту духовную основу

России, без которой нельзя представить себе всю ее последующую историю, обретшую ярчайшее проявление в событиях 1941–1945 годов. Пишете: «Если не бояться высоких слов, мы победили в 1945-м и потому, что у нас есть Пушкин!». Так и назвали эту книгу – «Великое творчество, Великая Победа».

Вот о чем нам стоило бы поговорить! Какова же она, духовная основа России, почему помогла одержать Победу в той войне и почему теперь мы терпим поражение, а главное – как снова мобилизовать духовную мощь народа...

Россия как чудо

(Из интервью Вадима Кошинова газете «Завтра»)

Корр.: Сегодня именно США претендуют на роль единственного мирового лидера. Вовсю обсуждается вопрос о невиданном американском процветании последнего десятилетия. Но этот вопрос почему-то никак не связывается с вопросом о катастрофе, которую переживает Россия. Между тем временная связь заставляет задуматься и о связи причинно-следственной: не является ли беспрецедентное усиление США следствием выброса дешевого российского сырья на мировые рынки и притока капиталов из России? И не является ли это усиление началом конца Америки?

Вадим Кожин: Я не являюсь специалистом, компетентным в вопросах мировой экономики. Но невероятное могущество и определяющая роль США в современном мире говорят именно о том, что это государство находится накануне упадка. Хорошо известно, что доллар является дутой величиной. В известной книге А. П. Паршева приводятся данные о том, что американские корпорации выводят свои производственные мощности в «третий мир», так что производство непосредственно на территории Америки сокращается. Там остаются только финансовые операции и другие услуги, в том числе информационные. Это приводит к своего рода кризису страны, поскольку ее экономическая мощь в значительной степени оказывается зависящей от ситуации в других странах. Не думаю, что лично я доживу до заката Америки, но я вполне это допускаю.

Корр.: У меня лично складывается впечатление, что и Америка, и Запад в целом живут буквально по лагерному принципу: «Умри ты сегодня, а я – завтра». И если так, то основной задачей для России становится выживание.

В. К.: Проблема заключается в том, что люди сегодня поверили в то, будто можно что-то сделать. А это свидетельствует прежде всего о возвращении веры в нашу страну. И если Путин, на котором, как на новом человеке, сконцентрировалась эта вера, продолжит нынешний курс, пусть с какими-то косметическими поправками, то тогда ничего не выйдет, страна просто распадется. А предпосылки к этому есть. Ведь дошло сегодня до того, что Татарстан посылает своих послов в другие страны, и это по большому счету куда опаснее даже чеченской войны.

Корр.: Вы считаете опасность распада реальной?

В. К.: Без преувеличения можно сказать, что Россия – самая катастрофическая страна в мире. Она пережила несколько таких невероятных катаклизмов, когда очень многим людям, даже большинству людей казалось, что Россия кончилась. Так было и в Смутное время, так было и в 1917 году. Очень многие думают так и сейчас. Я постоянно сталкиваюсь с людьми, которые считают, что на этот раз история нашей великой державы кончена навсегда. Я, кстати, не собираюсь давать ответ, произошло это в действительности или нет. Есть такая пословица: «сколь веревочке ни виться, а конец будет». Кто знает, может быть это – действительно последний катаклизм, который страна уже не сможет пережить. В частности, приведу пример популярной книги Дж. Къезы «Прощай, Россия», где явно проповедуется идея конца русской цивилизации, или, с другой стороны, заявления американского политолога Бжезинского, который считает, что Россия должна распасться на мелкие составные части и перестать быть той страной, какой она была в течение минимум двенадцати веков. Хочу сказать лишь, что вопрос остается открытым.

Корр.: Недавно издательство «Алгоритм» выпустило три тома ваших, Вадим Валериевич, работ, посвященных отечественной истории от древнейших времен и вплоть до 1964 года, ее взаимодействию с культурой русского народа, словесной культурой в особенности. И по прочтении этой исторической трилогии невольно возникает вопрос о единстве нашей исто-

рии, о единстве нашей культуры. Существует ли оно или же Россия движется рывками, от катастрофы к катастрофе, между которыми возникает некий объект веры, только принимаемый нами за Родину?

В. К.: В этих книгах я пытался не только обобщить новые данные, накопленные нашими историками за последние годы, но и показать принципиальное своеобразие России. Если проводить терминологическое разграничение, то страны Запада можно определить прежде всего как страны номократические (от греческого «номос» – закон и «кратос» – власть). В них власть принадлежит закону. А страны Востока – страны этократические (от греческого «этнос» – обычай). Там господствуют определенные обычаи. Россия же – страна идеократическая, где главную роль играет власть идей. При этом я подчеркну сразу, что это власть не какой-либо одной идеи – господствующие идеи на территории России не раз менялись.

Достаточно назвать, например, идею «Третьего Рима», или идею «Православие. Самодержавие. Народность», или, например, идею коммунизма. С одной стороны, это как раз проявляется в исторических катастрофах. То, что Россия – идеократическая страна, обусловлено массой самых разнообразных моментов. Прежде всего, если угодно, географических. Об этом, между прочим, редко задумываются, хотя это совершенно очевидно. Особенно если учесть, что первоначальным центром нашей государственности был вовсе не Киев, как многие считают, а Ладога, расположенная севернее нынешнего Новгорода Великого, за 60-й параллелью, – так вот, на этих широтах нигде никакой цивилизации не возникло, а было первобытное общество, озабоченное лишь собственным выживанием. Могут, правда, назвать скандинавские страны, но это будет неправильным, и любой человек, знакомый с географическими условиями Скандинавии, скажет, что это совершенно другая и климатическая, и геополитическая зона, поскольку она окружена незамерзающим морем. Достаточно сказать, что на 60-й параллели у нас зимняя температура на 15–20 градусов ниже, чем на аналогичной широте в Норвегии, Швеции и Шотландии. Можно привести и другой пример: зима в южной части Скандинавии, где сосредоточено 90 % населения этих стран и основной хозяйственный комплекс, гораздо короче и мягче, нежели в кубанской степи, расположенной почти на две тысячи километров южнее. Это – различие океанического и континентального климата.

Корр.: Помнится, Лев Николаевич Гумилев проводил границу между Россией и Европой по нулевой изотерме января...

В. К.: Да, и, кроме того, практически нигде в мире нет такого перепада температур в течение года. Скажем, в Европе он составляет в среднем 20 °С, а у нас доходит до 50° и более.

То же можно сказать и о водных путях. Водные пути играют огромную роль в развитии цивилизации. Они гораздо дешевле, чем сухопутные, и по ним можно перевозить очень тяжелые грузы. Западная цивилизация потому так динамично развивалась с самого начала, что там были прекрасные водные пути, незамерзающие или почти незамерзающие реки – Рейн замерзает на какой-то месяц, – и (что еще более существенно) незамерзающие моря и Атлантический океан. То же самое характерно, кстати, для Америки, где реки вообще не замерзают. Это не просто климатическое преимущество – это преимущество геополитическое. Оно имеет отношение и к военным условиям, и к торговым, и к каким хотите. Я хочу повторить, что на территории, где возникла Россия, не должно было быть великой державы. Но она состоялась.

Возникновение России было бы невозможным без сверхусилий наших предков, объединенных общей идеей, без волевого начала, связанного, причем довольно загадочно, с этой идеей. Кстати, в книгах я такой вопрос даже не ставил: какая именно идея, какое духовное начало побудили наших отдаленных предков примерно тысячу двести лет назад создать в районе Ладоги, на 60-й параллели, первые формы отечественной государственности? Здесь можно о многом догадываться, размышлять, но пока я не готов ответить на данный вопрос. Что же касается последующего развития русского государства, целый ряд обстоятельств постоянно поддерживал в нем то, что я называю идейным началом. Во-первых, это чрезвычайное много-

образии России и ее принципиальная многонациональность. Достаточно сравнить наших помощников с кубанскими казаками – в сущности, почти разные народы...

Корр.: Говорящие между тем на одном языке и прекрасно понимающие речь друг друга, чего нет, например, в Германии, где люди практически не понимают диалектов других земель.

В. К.: Да, русский язык, русское слово и являются своего рода телом этой общей идеи. У нас невозможно единство обычаев или законов. Я бы мог дать еще ряд обоснований своего вывода о том, что Россия – страна идеократическая, что на комплексе идей у нас держится все остальное: все государственные институты, вся хозяйственная жизнь. Они для нас или одухотворены некоей идеей, или мертвы и подлежат безусловному уничтожению. Надо специально отметить, что идеократичность – гораздо менее надежный и гораздо более рискованный принцип, нежели власть законов или обычаев. Но в то же время я берусь утверждать, что именно эта идеократичность обеспечила самые великие победы России, ее, как выразился не любивший Россию К. Маркс, «мировые успехи». В частности, победу над Наполеоном, который покорил до этого всю континентальную Европу, и даже победу над Третим рейхом, который тоже вобрал в себя всю энергию Европы, и тем не менее мы его тоже разбили. Именно это обусловило то воодушевление, с которым десятки миллионов людей на фронте и в тылу воевали и работали для Победы. И я даже не знаю, чей подвиг был выше: солдат, которые были способны собственной грудью закрыть вражеские дзоты, или мальчишек, которые работали по 12 часов, подставив ящики под ноги, чтобы дотянуться до станка.

Масса людей почему-то считает, что история – это нечто, совершающееся далеко за пределами их частной жизни. А ведь такое понимание неверно. История совершается именно в нашей частной жизни, проходит через нее. Надо это увидеть, надо открыть на это глаза. В чем сложность идеократического пути России? В том, что система законов или система обычаев существует вне и помимо конкретного человека, более того – она ставит его развитие самые жесткие рамки. А власть идеи невозможна без ее принятия (или непринятия) каждым человеком.

Поэтому Россия всегда очень долго собирается. Никуда не деться от того факта, что в первые месяцы войны 1941 года миллионы советских солдат оказались в плену, а наша армия, если учесть немецкий поворот на юг, на Украину, отступала по 16 км в день. Наполеон, кстати, наступал еще быстрее, но он не делал остановок на пути к Москве. Это означает только одно: поскольку после такого почти бегства произошел абсолютный разгром и Наполеона, и Гитлера, то стране необходимо какое-то время, чтобы идея – в данном случае идея защиты Отечества – овладела большинством русских людей.

Корр.: Вы сказали о том, что на месте России по всем законам природы и человеческого общества ничего не должно было быть. Но тогда получается, что наша история – не только цепь подвигов и катастроф, но и какое-то до сей поры длящееся чудо. То есть все мы здесь, в России, живем внутри этого чуда. И ваша концепция идеократии как основы русского мира поразительным образом перекликается с высказанной почти тысячу лет назад митрополитом Иларионом в «Слове о законе и благодати» мыслью о благодатной, чудесной, а вовсе не законной природе Руси-России.

В. К.: Конечно, Иларион говорил не столько о Руси, сколько о христианстве, причем в один из острейших периодов его истории, разделения на православие и католицизм, но отметить его как мыслителя, впервые поставившего проблему именно в этой плоскости, совершенно необходимо.

Корр.: В этом отношении характерна та постоянная направленность Запада против России, о которой говорится в вашей первой книге, посвященной отечественной истории с древнейших времен вплоть до XVI века. И особенный интерес вызывает ваша трактовка Куликовской битвы как отражения попытки Запада руками «прирученного» крымского темника Мамай и его интернационального войска разгромить нарождавшееся Московское православное госу-

дарство. Наличие единого координирующего центра действий Запада, в том числе и против России, в то время – римского папства, доказано вами почти с математической точностью. Да никто эту роль в целом и не отрицает. Точно так же очевидно, что Реформация была связана с переходом роли подобного центра от курии католической церкви к каким-то иным силам. Но структура подобного уровня, единожды появившись, не исчезает бесследно, точно так же, как не пропала бесследно разгромленная Западом Византийская империя, идеи которой – через людей, которые сюда приезжали, через русских, которые постоянно общались с ромеями – восстановились в идее Московского царства.

В. К.: Это, несомненно, так, и по данному поводу мне даже не нужно говорить какие-то свои слова, потому что, если взять русскую философию в лице ее наиболее глубоких представителей – и Тютчева, и Данилевского, и Константина Леонтьева, – в ней всегда шла речь о противостоянии Западу. Оно началось еще с XI века, когда в 1018 году объединенное польско-германско-венгерское войско, сумевшее привлечь на свою сторону печенегов, захватило Киев. И когда мы говорим о Куликовской битве, то достаточно одного-единственного доказательства: как могло получиться, что Мамай действовал заодно с литовским князем Ягайло, который готовился к переходу в католицизм и находился под влиянием католических патеров? Правда, как известно, Ягайло не дошел до поля битвы и, как я думаю, «по вине» тех православных литовцев в его войске, которые сочувствовали Москве, а не Мамаю. Кроме того, в составе войска Дмитрия Донского было много литовцев – в частности, знаменитый Боброк. Ведь невозможно себе представить, что без посредства римского папства Мамай мог договориться с совершенно чуждым ему князем Ягайло через тысячекилометровые расстояния? Совершенно ясно, что здесь была координация усилий, которая подтверждается и другими случаями, задокументированными совершенно точно.

Корр.: Вы имеете в виду разгром Византии?

В. К.: Да, в частности и разгром Византии. Надо сказать, что огромные архивы Ватикана до сих пор далеко не разобраны. Наш замечательный историк, профессор Московского университета Сергей Павлович Карпов, который там подолгу работал, пишет о том, что неизвестных материалов хватит для нескольких поколений ученых. И я совершенно убежден, что рано или поздно все-таки обнаружатся документы, которые со стопроцентной точностью подтвердят, что поход Мамаю и поход Ягайло были частями единого плана – неосуществленного, к счастью для нас. Что же касается западного комплекса по отношению к России, то он заключается в том, что Запад четко понимает свое превосходство, в частности даже военное, над нами, но так и не смог ни завоевать, ни принизить Россию, в то время как все другие континенты – я имею в виду Африку, Америку, большую часть Азии южнее России – Запад покорил без особых сложностей, иногда силами очень небольших отрядов. Но там приходилось перебираться через моря и океаны, а здесь не было ни моря, ни какого-нибудь горного хребта – казалось бы, иди и прибирай к рукам, но ничего не вышло. И это порождает у Запада, с одной стороны, если хотите, какую-то неудовлетворенность собой, а с другой стороны – страх.

С какой-то точки зрения тяжба Запада с Россией – это продолжение его тяжбы с Византией. Причем тогда дело обстояло для Запада еще более неприятным образом, потому что Византия, вплоть до своего падения конечно, превосходила Запад и как цивилизация, и как культура. И я склонен думать, что, может быть, католические страны испытывали перед Константинополем болезненное чувство собственной неполноценности, которое все же отсутствовало по отношению к России.

Корр.: Возможно, проблема заключается еще и в том, что варварские королевства Европы создавались – пусть даже формально, но форма в те времена значила для людей гораздо больше, чем сегодня, – на основе акта римского императора, который единственно воплощал в себе принцип верховной власти. И узурпация императорской власти Карлом Великим сов-

местно с патриархом Рима рассматривалась именно как узурпация, в том числе другими православными патриархиями, что в конце концов и привело к обособлению католичества.

В. К.: Да, императорство Карла Великого было первой попыткой Запада выйти из-под власти Византийской империи. Дальше все это приобрело с западной стороны абсолютно ожесточенные формы. Я привожу в своей книге поразительный факт, когда человек, которого все мы привыкли считать великим гуманистом, Франческо Петрарка, буквально требует уничтожить этих «проклятых гречишек». Хотя, между прочим, если бы Византия не сохранила античную культуру, никакого Петрарки бы не было.

Корр.: Европейский гуманизм закономерно привел к гитлеровским «лагерям смерти», к теориям расового превосходства и т. д. И когда вы пишете о России в двадцатом веке, то даете замечательное стихотворение Юрия Кузнецова, которое стоит здесь привести полностью.

Петрарка

И вот непривычная, но уже нескончаемая вереница подневольного люда того и другого пола омрачает этот прекраснейший город скифскими чертами лица и беспорядочным разбродом, словно мутный поток чистейшую реку; не будь они своим покупателям милее, чем мне, не радуй они их глаз больше, чем мой, не теснилось бы бесславное племя по здешним узким переулкам, не печалило бы неприятными встречами приезжих, привыкших к лучшим картинам, но в глубине своей Скифии вместе с худой и бледной Нуждой среди каменистого поля, где ее (Нужду) поместил Назон, зубами и ногтями рвало бы скудные растения. Впрочем, об этом довольно.

Петрарка. Из письма Гвидо Сетте архиепископу Генуи. 1367 год, Венеция.

Так писал он за несколько лет
До священной грозы Куликова.
Как бы он поступил – не секрет,
Будь дана ему власть, а не слово.
Так писал он заветным стилем,
Так глядел он на нашего брата.
Поросли б эти встречи быльем,
Что его омрачали когда-то.
Как-никак шесть веков пронеслось
Над небесным и каменным сводом.
Но в душе гуманиста возрос
Смутный страх перед скифским разбродом.
Как магнит потянул горизонт,
Где чужие горят Палестины.
Он попал на Воронежский фронт
И бежал за дворы и овины.
В сорок третьем на лютном ветру
Итальянцы шатались как тени,
Обдирая ногтями кору
Из-под снега со скудных растений.
Он бродил по полям, словно дух,
И жевал прошлогодние листья.
Он выпрашивал хлеб у старух —
Он узнал эти скифские лица.
И никто от порога не гнал,
Хлеб и кров разделяя с поэтом.

Слишком поздно других он узнал.
Но узнал. И довольно об этом.

В. К.: Кузнецов, конечно, поэт очень высокого уровня и сумел уловить эти смысловые связи.

Корр.: Но ведь поэзия является выражением определенной культуры. И Пушкин, когда писал свои стихи, выражал настроения, мысли, чувства целого круга людей, с которым он общался, в котором жил, – выражал гениально, и если бы не было явления Пушкина, то вся история России могла сложиться совершенно иначе.

В. К.: Я уже говорил о том, что история вовсе не отделена от частной жизни каждого из нас. Так что говорить о возможно ином течении истории абсолютно бесперспективно. История текла бы иначе, не будь Пушкина, не будь вас, меня, любого из живущих и живших людей. И гадать об этом не имеет смысла – нужно вдумываться в то, что было и есть в реальности.

Корр.: Вадим Валерианович, когда вы описываете историю Гражданской войны и революции, когда описываете историю послереволюционной России, то буквально становится слышимым биение народного сердца. Зная вашу нелюбовь к прогнозам, все-таки осмелюсь задать вопрос: какими особыми чертами будет определяться тот новый исторический этап, в который мы сегодня вступаем? Ведь если ваша идея о том, что революции происходят вследствие избытка народных сил, верна, а политические движения «влево» и «вправо» связаны с биением народного сердца России, то какой-то ответ на этот вопрос должен подтвердить вашу теорию, а другой, напротив, опровергнуть.

В. К.: Повторю, сегодня альтернатива у нас одна – либо страна вернется на свой собственный исторический путь, либо она, по-моему, просто погибнет. А что значит вернуться на свой исторический путь? Это значит жить по своим собственным законам, не пытаясь втиснуться в прокрустово ложе чужих представлений и чужого исторического опыта. Я считаю, что самым прискорбным является тот факт, что начиная с 1991 года полностью победила идея интеграции в западную «рыночную» экономику. Никто не хочет почему-то интегрироваться с Черной Африкой, хотя ее положение в мировой экономической системе куда ближе нашему, чем положение США и даже Бельгии. И когда говорили, что у нас низкий уровень жизни, то сравнивали почему-то с уровнем жизни 15 % населения Земли. А тот факт, что остальные 80 % с лишним жили в среднем гораздо хуже, чем мы, никого не волновал. По сведениям ЮНЕСКО, каждый год 20 миллионов людей умирает просто от недоедания, от голода. Какая мировая война с этим сравнится? Но об этом никто почему-то не думает, проявляя тем самым исконный российский максимализм: «все или ничего». Опять же перед революцией существовали довольно влиятельные слои промышленников и ученых, которые кричали, что самодержавие тормозит развитие России, что Россия поэтому – отсталая страна. От кого мы отставали? Только от США, Германии и Великобритании. С Францией уже шли довольно близко, особенно если учесть, что тогда население этой страны вместе с колониями составляло около 100 миллионов человек. Нет, подавай нам только первое место. И если говорить о 91-м годе, то чем соблазнили наших соотечественников? Ведь по Садовому кольцу шли тогда стотысячные толпы с требованием немедленно дать то, что обещал им Ельцин. И это желание жить так, как живут богатейшие 15 % населения Земли, – оно абсолютно бесперспективно сразу по двум причинам. Во-первых, потому, что исходные условия развития у нас с ними были неравными, о чем мы уже говорили. А во-вторых, никуда не денешься от того, что эти страны сумели ограбить весь мир. А у нас ситуация была совершенно обратная.

Не так давно я узнал, что в 1989 году в России среди союзных республик был наименьший процент семей, имеющих личные автомобили. А разве можно сравнить уровень жизни в бывших колониях с уровнем жизни в метрополиях? Здесь колоссальный разрыв, колоссальный.

Корр.: Кстати, на этом тоже сыграл Ельцин, когда говорил, что мы теперь в независимой России не будем кормить национальные окраины и заживем, как на Западе. Но оказалось, что Запад гораздо более прожорлив, чем наши союзные республики со всем «лагерем социализма» в придачу.

В. К.: Но речь-то идет о другом: чтобы зажить так, как на Западе, мы должны были бы не одну сотню лет грабить эти национальные окраины, чтобы они жили не лучше, а намного хуже, чем мы. Ничего подобного у нас не было – прежде всего потому, что материальное преуспевание никогда не ставилось у нас во главу угла.

Корр.: И последний вопрос, абсолютно злободневный и предвыборный...

В. К.: В последнее время довелось не раз слышать высказывания людей, сообщавших, что раньше они голосовали за Зюганова, а теперь проголосуют за Путина. Но это ложное решение. Чем больше голосов получит Зюганов, тем очевиднее будет (в частности, и для самого Путина) тот факт, что народ против «прозападного курса».

Почему произошло крушение СССР?

Почти невероятно быстрое и, в сущности, не вызвавшее фактического сопротивления крушение великой державы чаще всего стремятся объяснить нежизнеспособностью ее экономического и политического устройства, хотя одни авторы утверждают, что нежизнеспособен социализм как таковой, ибо он представляет собой насильственно «реализованную» утопию, а другие видят в том строе, который установился после 1917 года, извращенную форму социализма, подменившую «творчество самих народных масс» (определение, употреблявшееся В. И. Лениным) партийно-государственным диктатом (правда, имеют место и объяснения краха СССР поражением в холодной войне с Западом, но об этом речь пойдет ниже).

Однако такого рода толкования порождают серьезные сомнения, как только мы вспомним, что за три четверти века до краха СССР совершился поистине мгновенный и не пробудивший сопротивления крах Российской империи. Василий Розанов с характерной для него «лихостью», но верно писал о февральском перевороте 1917 года: «Русь слиняла в два дня. Самое большое – в три... Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом ничего».

А один из активнейших участников этого переворота, В. Б. Станкевич, не без известного изумления вспоминал в 1920 году, что в феврале имел место даже «не бунт, а стихийное движение, сразу испепелившее всю старую власть без остатка: и в городах, и в провинции, и полицейскую, и военную, и власть самоуправлений». Из этих характеристик, между прочим, явствует, что происшедшее в 1917 году было все же гораздо менее катастрофическим, нежели в 1917 году... Стоит еще привести суждения французского посла в России в 1914–1917 годах Мориса Палеолога (между прочим, потомка последнего императора Византии). На Западе, писал он, «самые быстрые и полные изменения связаны с переходными периодами, с возвратами к старому, с постепенными переходами. В России чашка весов не колеблется – она сразу получает решительное движение. Все разом рушится, все – образы, помыслы, страсти, идеи, верования, все здание» (Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с. 57).

Сегодня, впрочем, имеются идеологи (например, всем известный Гайдар), с точки зрения которых дореволюционная «самодержавная» Россия также являлась нежизнеспособным феноменом, и, следовательно, ее мгновенный крах был столь же естественным. Но поскольку едва ли уместно считать экономические и политические устройства, существовавшие до 1917 и после него, однотипными, истинная причина двух аналогичных крушений кроется не в этих устройствах, а, надо думать, в чем-то другом.

Убедить в первостепенном значении этого «другого» нелегко, ибо в общественное сознание с давних пор внедрялось именно экономико-политическое объяснение хода истории, которое еще в конце XVIII века начало складываться в России под воздействием западноевропейской идеологии (отнюдь не только марксистской; сам Карл Маркс не раз признавал, что, например, понятие о «классовой борьбе» как движущей силе истории сложилось задолго до появления его сочинений).

На вопрос о том, почему в феврале 1917 года произошло крушение Российской империи, многие и сегодня ответят, что трудящиеся массы, рабочие и крестьяне, разрушили эту империю, ибо она жестоко «эксплуатировала» и «угнетала» их.

Но как это совместить с тем несомненным фактом, что в крушении Империи более значительную роль, чем какие-нибудь пролетарии и крестьяне, сыграли, например, начальник штаба Верховного главнокомандующего, генерал от инфантерии М. В. Алексеев, или командир Гвардейского морского экипажа великий князь (двоюродный брат императора) Кирилл Владимирович, или член Государственного Совета, крупнейший предприниматель (владевший громадным по тем временам капиталом в 600 тысяч руб.) А. И. Гучков?

Аналогичное положение имело место и через три четверти века: роль в крушении СССР члена Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлева, или кандидата в члены Политбюро Б. Н. Ельцина, или академика, трижды Героя Соцтруда А. Д. Сахарова, конечно же, несравнима с ролью каких-либо рабочих и колхозников...

И другая сторона дела: «эксплуатация» и «гнет», скажем, за пятьдесят лет до 1917 года, то есть при крепостном праве, и за те же шестьдесят лет до 1991-го, в период индустриализации и коллективизации, были, без сомнения, гораздо тяжелее, чем в канун обоих крушений, но власть в стране держалась тогда достаточно прочно.

Наконец, – и это опять-таки многозначительно – оба вроде бы столь грандиозных крушения привели к очень малому количеству человеческих жертв; никакие действительные «сражения» между сторонниками Российской империи и впоследствии СССР и их противниками не имели места. Мне напомнят, конечно же, что после краха Российской империи началась убийственная гражданская война, а после крушения СССР – цепь различных кровавых конфликтов. Однако это уже явно совершенно другая проблема.

Множество неоспоримых фактов убеждают, что гражданская война 1918–1922 годов шла не между сторонниками рухнувшей Империи и ее противниками, а между теми, кто пришли к власти в результате Февральского переворота, и свергнувшими их в Октябре большевиками. Показательно, что белых называли также кадетами (по названию партии, игравшей первостепенную роль в Феврале). Наконец, самое весомое место в гражданской войне занимали мощные восстания или хотя бы бунты крестьянства, которое, вовсе не желая возврата к Империи, не желало подчиняться «новым» – красной и равным образом белой – властям. И следует осознать, что в советской историографии белым безосновательно приписывали цель восстановления «само-

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.